

ISSN 2542-2332

2019 №4 (21)

НАРОДЫ И РЕЛИГИИ ЕВРАЗИИ

Барнаул

Издательство
Алтайского государственного
университета
2019

Издание основано в 2007 г.

Главный редактор:

П. К. Дашковский, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционная коллегия:

С. А. Васютин, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Н. Л. Жуковская, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. П. Забияко, доктор философских наук (Россия, Благовещенск)

А. А. Тишкин, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Н. А. Томилов, доктор исторических наук (Россия, Омск)

Т. Д. Скрынникова, доктор исторических наук (Россия, Санкт-Петербург)

О. М. Хомушку, доктор философских наук (Россия, Кызыл)

Л. И. Шерстова, доктор исторических наук (Россия, Томск)

Е. А. Шершнева (отв. секретарь), кандидат исторических наук (Россия, Барнаул)

Редакционный совет журнала:

Л. Н. Ермоленко, доктор исторических наук (Россия, Кемерово)

Ю. А. Лысенко, доктор исторических наук (Россия, Барнаул)

Л. С. Марсадолов, доктор культурологии (Россия, Санкт-Петербург)

Г. Г. Пиков, доктор исторических наук, доктор культурологии (Россия, Новосибирск)

А. К. Погасий, доктор философских наук (Россия, Казань)

К. А. Руденко, доктор исторических наук (Россия, Казань)

С. А. Яценко, доктор исторических наук (Россия, Москва)

А. С. Жанбасинова, доктор исторических наук (Казахстан, Усть-Каменогорск)

Н. И. Осмонова, доктор философских наук (Кыргызстан, Бишкек)

Н. Цэдэв, кандидат педагогических наук (Монголия, Улан-Батор)

Ц. Степанов, доктор исторических наук (Болгария, София)

З. С. Самашев, доктор исторических наук (Казахстан, Астаны).

Журнал утвержден научно-техническим советом

Алтайского государственного университета и зарегистрирован Комитетом РФ по печати. Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-69787 от 18.05.2017 г.

Все права защищены. Ни одна из частей журнала либо издание в целом не могут быть перепечатаны без письменного разрешения авторов или издателя.

Журнал подготовлен при поддержке РНФ «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19-18-00023).

ISSN 2542-2332

2019 №4 (21)

NATIONS AND RELIGIONS OF THE EURASIA

Barnaul

Publishing house
of Altai State University
2019

The journal was founded in 2007

Executive editor:

P.K. Dashkovskiy (doctor of historical sciences)

The editorial Board:

S. A. Vasutin, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

N. L. Zhukovskay, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. P. Zabiylko, doctor of philosophical sciences (Russia, Blagoveshchensk)

A. A. Tishkin, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

N. A. Tomilov, doctor of historical sciences (Russia, Omsk)

T. D. Skrynnikova, doctor of historical sciences (Russia, Saint-Petersburg)

O. M. Homushku, doctor of philosophy (Russia, Kyzyl)

L. I. Sherstova, doctor of historical sciences (Russia, Tomsk)

E. A. Shershneva (resp. secretary), candidate of historical sciences (Russia, Barnaul)

The journal editorial Board:

L. N. Yarmolenko, doctor of historical sciences (Russia, Kemerovo)

U. A. Lusenko, doctor of historical sciences (Russia, Barnaul)

L. S. Marsadolov, doctor of Culturology (Russia, St. Petersburg)

G. G. Pikov, doctor of historical sciences, doctor of cultural studies (Russia, Novosibirsk)

A. K. Pogassiy, doctor of philosophical sciences (Russia, Kazan)

K. A. Rudenko, doctor of historical sciences (Russia, Kazan)

S. A. Yatsenko, doctor of historical sciences (Russia, Moscow)

A. S. Zhanbosynov, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Ust-Kamenogorsk)

N. I. Osmonova, candidate of philosophical sciences (Kyrgyzstan, Bishkek)

N. Cedeu, candidate of pedagogical sciences (Mongolia, Ulaanbaatar)

Ts. Stepanov, doctor of historical sciences (Bulgaria, Sofiy)

Z. S. Samashev, doctor of historical sciences (Kazakhstan, Astana)

Approved for publication by the Joint Scientific and Technical Council of Altai State University. All rights reserved. No publication in whole or in part may be reproduced without the written permission of the authors or the publisher. Registered with the RF Committee on Printing. Registration certificate PI № ФС 77–69787. Registration date 18.05.2017.

The journal was prepared with the support of the RSF project “Religion and power: historical experience of state regulation of religious communities in Western Siberia and neighboring regions of Kazakhstan in the XIX–XX centuries” (project № 19-18-00023).

СОДЕРЖАНИЕ

Раздел I

АРХЕОЛОГИЯ И ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ ИСТОРИЯ

<i>Почекаев Р. Ю.</i> Расправа Чингисхана с Сача-бэки и начало эпохи ханского правосудия.....	7
<i>Радовский С. С., Серегин Н. Н.</i> Топография и планиграфия некрополей быстрианской культуры Алтая скифо-сакского времени.....	17
<i>Лихачева О. С.</i> Реконструкция комплекса вооружения знатного воина саргатской культуры (по материалам могильника Сидоровка)	34
<i>Табалдиев К. Ш., Акматов К. Т., Ашык А., Белек К.</i> Результаты археологических раскопок на мавзолее Кёк-Таш в полевом сезоне 2017–2018 гг. в Кыргызстане.....	48
<i>Серегин Н. Н.</i> Тюркские оградки Монголии: основные этапы изучения и интерпретации	70
<i>Руденко К. А.</i> Знаки-тамги в культуре волжских булгар: новые открытия.....	88

Раздел II

ЭТНОЛОГИЯ И НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Сакович Е. Г.</i> Происхождение этнонима «половцы»: летописные сведения и мнения исследователей	99
--	----

Раздел III

РЕЛИГИОВЕДЕНИЕ И ГОСУДАРСТВЕННО-КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА

<i>Ильин В. Н.</i> Старообрядчество Алтая в контексте репрессивной политики имперских властей.....	105
<i>Матыцин К. С.</i> Исторические этапы легенды о Беловодье у старообрядцев Алтая: историографический аспект исследования	115
<i>Недзельюк Т. Г.</i> Смена вероисповедной принадлежности в Российской империи на примере Западной Сибири: потенциальные возможности, нормативное регулирование, практика применения	128
<i>Волоснов Р. Ю.</i> Паломничество к православным святыням в сельской местности Западной Сибири в конце XIX — начала XX в. как социокультурный феномен.....	140

Раздел IV

РЕЦЕНЗИИ НА КНИГИ

<i>Коростиченко Е. И.</i> За пределами конфессий и атеизма: рецензия на сборник «Свободомыслие и атеизм: идеи и лица».....	150
--	-----

ДЛЯ АВТОРОВ	157
--------------------------	-----

CONTENT

Section I

ARCHAEOLOGY AND ETNO-CULTURAL HISTORY

<i>Pochekaev R. Yu.</i> The punishment of Sacha-Beki by Chinggis Khan and beginning of the epoch of khans' justice.....	7
<i>Radovskiy S. S., Seregin N. N.</i> Topography and planigraphy of necropolises of Bistryansk culture of Altai (Scythian-Saka time)	17
<i>Likhacheva O. S.</i> Reconstruction of a complex of arms of a noble warrior Sargatskaya culture (on materials of burial ground Sydorivka).....	34
<i>Tabaldyev K. Sh., Akmatov K. T., Ashyk A., Belek K.</i> Results of the archaeological excavations at the Kyok-Tash mausoleum in the 2017–2018 field season in Kyrgyzstan	48
<i>Seregin N. N.</i> Turkic enclosures of Mongolia: main stages of studying and interpretation	70
<i>Rudenko K. A.</i> Tamgi signs in the culture of Volga Bulgar: new opening.....	88

Section II

ETHNOLOGY AND NATIONAL POLICY

<i>Sakovich E. G.</i> The origin of ethnonym “cumans”: data of chronicles and opinions of researchers	99
---	----

Section III

RELIGIOUS STUDIES AND STATE-CONFESSIONAL RELATIONS

<i>Ilyin V. N.</i> Old Believers of Altai in the context of repressive policy of the Imperial authorities.....	105
<i>Matytsin K. S.</i> The historical stages of the legends about Belovodye of Old Believers of Altai: a historiographical aspect of research.....	115
<i>Nedzelyuk T. G.</i> Change of religious affiliation in the Russian Empire on the example of Western Siberia: potential, regulation, practice	128
<i>Volosnov R. U.</i> Pilgrimage to orthodox holy sites in rural areas of Western Siberia of the end of XIX — the beginnings of the XX th centuries as sociocultural Phenomenon.....	140

Section IV

BOOK REVIEWS

<i>Korostichenko E. I.</i> Beyond Denominations and Atheism: a review of a collective book “Freethought and atheism: concepts and personas”	150
---	-----

INFORMATION FOR THE AUTHORS	157
--	-----

УДК 94 (47)

DOI: 10.14258/nreur(2019)4–10

Т. Г. Недзельюк

Алтайский государственный университет, Барнаул (Россия)

Сибирский институт управления — филиал РАНХиГС, Новосибирск (Россия)

СМЕНА ВЕРОИСПОВЕДНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ НА ПРИМЕРЕ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, НОРМАТИВНОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ, ПРАКТИКА ПРИМЕНЕНИЯ¹

Исследование посвящено изучению государственно-конфессиональной политики Российской империи на рубеже XIX–XX вв. в сфере регламентации «вероисповедных переходов». Целью статьи является выявление как магистральных тенденций на уровне страны и региона, так и особенностей реализации вероисповедной политики в отношении основных вероисповеданий, представленных в Сибири. Хронологические рамки работы включают XIX столетие, период массовых миграций представителей разных конфессий с запада на восток в пределах империи, а также начало XX в., исключая революционные события и связанные с ними изменения в государственно-конфессиональной политике.

Источниковую базу исследования составили материалы архивного хранения из фондов Российского государственного исторического архива, Государственного архива Томской области, Государственного архива Красноярского края. Смена вероисповедной принадлежности в границах империи регламентировалась последовательно целой серией нормативных актов: соответствующими статьями в Своде законов Российской империи разных лет издания, Уложением о наказаниях исправительных и уголовных, законами и подзаконными актами местных органов власти.

Методика исследования включает историко-генетический подход в совокупности с методами контент-анализа, синтеза, обобщения.

Ключевые слова: вероисповедание, конфессия, государственная вероисповедная политика, национальная политика, христианство, инославные исповедания, Российская империя, Сибирь, православизация, отпадение от православия, вероотступничество, разновременные браки, Уложение о наказаниях, Свод законов Российской империи.

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке РФФИ по теме: «Религия и власть: исторический опыт государственного регулирования деятельности религиозных общин в Западной Сибири и сопредельных районах Казахстана в XIX–XX вв.» (проект № 19–18–00023).

T. G. Nedzelyuk

Altai State University, Barnaul (Russia)

Siberian Institute of Management — Branch of RANEPА, Novosibirsk (Russia)

CHANGE OF RELIGIOUS AFFILIATION IN THE RUSSIAN EMPIRE ON THE EXAMPLE OF WESTERN SIBERIA: POTENTIAL, REGULATION, PRACTICE

The research is devoted to the study of the state and confessional policy of the Russian Empire at the turn of the XIX–XX centuries in the sphere of regulation of “religious transitions”. The purpose of the article is to identify both the main trends at the level of the country and the region, and the features of the implementation of religious policy in relation to the main religions represented in Siberia. The chronological framework of the work includes the nineteenth century, the period of mass migrations of representatives of different faiths from West to East within the Empire, as well as the beginning of the twentieth, excluding revolutionary events and related changes in state and religious policy.

The source base of the research consists of archival materials from the funds of the Russian state historical archive, the state archive of the Tomsk region, the state archive of the Krasnoyarsk territory. The change of religious affiliation within the borders of the Empire was regulated consistently by a whole series of regulations: the relevant articles in the Code of laws of the Russian Empire of different years of publication, the Statute on correctional and criminal penalties, laws and by-laws of local authorities.

Research methodology includes historical and genetic approach in conjunction with the methods of content analysis, synthesis, generalization.

Key words: religion, confession, state religious policy, national policy, Christianity, non-Orthodox confessions, the Russian Empire, Siberia, Orthodoxy, apostasy, different faith marriages, the Code of punishments, the Code of laws of the Russian Empire

Недзельюк Татьяна Геннадьевна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник кафедры политической истории, национальных и государственно-конфессиональных отношений Алтайского государственного университета, Барнаул (Россия); профессор кафедры теории и истории государства и права Сибирского института управления — филиала РАНХиГС, Новосибирск (Россия). Адрес для контактов: tatned@mail.ru

Изменение конфессиональной принадлежности, или «вероисповедный переход» в государстве, где на уровне официальной идеологии провозглашена единственная, одобряемая и поддерживаемая правительством религиозная теория, представляет целый ряд практических затруднений. Переход из одного вероисповедания в другое может быть индивидуальным, связанным с индивидуальными предпочте-

ниями конкретной личности. Может быть коллективным и иметь массовый характер в тех случаях, когда к вероисповеданию причисляется население региона или его части. Смена вероисповедной принадлежности может быть связана с заключением брака с представителем (представительницей) иной религиозной традиции. Одним из направлений государственно-конфессиональной политики является регулирование семейно-брачных отношений. Внутренне религиозное (в христианстве — каноническое) право неизменно содержит раздел «семейное право». Конфессии не знают государственных границ, объединяют, как правило, граждан разных стран. Соответственно, вероисповедное (конфессиональное) семейное право может не совпадать (и часто не совпадает) с правилами семейного права того или иного государства.

Впервые в России православные христиане получили возможность вступать в браки с инославными христианами в 1721 г.: это было обусловлено стремлением Петра I привлечь пленных шведов к освоению Сибири, дав им русское гражданство и разрешив жениться на русских женщинах. Было установлено правило, единое и для монарших особ, и для простолюдинов: перед вступлением в брак с православным(ой) будущий супруг(а) должен был принять прежде православную веру [Терюкова, 2013: 164]. Данное правило сохраняется в каноническом праве православной церкви и до сих пор с оговоркой, что христианин другой конфессии вправе вступить в брак с православной, дав подписку о том, что не будет совращать православного супруга в свою веру и обязуется воспитывать детей в православии [Антокольская, 2002: 53].

Исследовательница О. А. Лиценбергер вводит в научный оборот термин «православизация». «Одной из наиболее важных составляющих процесса интеграции лютеран и католиков в российское общество, их ассимиляции, обрусения, сближения с русским народом являлось принятие ими православия. Спектр явлений, по отношению к которым можно употребить термин «православизация», является достаточно многообразным» [Лиценбергер, 2005: 29]. Автор вкладывает в данное понятие как насильственную ассимиляторскую политику русской православной церкви, направленную на принудительное обращение в православие, так и добровольное принятие православия отдельными представителями инославных конфессий. Ольга Андреевна Лиценбергер не разделяет точку зрения, согласно которой процесс православизации рассматривается только как принудительный и насильственный, когда перекрещиваемый выступал в качестве пассивного объекта; однако считает, что неправомерным было бы и рассмотрение его с точки зрения второй крайности — как полностью добровольный и осознанный разрыв с прежним вероисповеданием. Объективно, наряду с давлением, проводники православизации пытались создавать позитивную мотивацию, а «добровольно» переходившие в православие были вынуждены сделать это под давлением ряда обстоятельств: им были обещаны выгоды как политического (прекращение преследований), административного (легкий путь сделать карьеру), так и экономического плана [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 80]. Более того, высшее руководство православной церкви идентифицировало процесс православизации с государственными интересами, требовавшими обращения иноверцев в православие. Роли и месту Министерства внутренних дел дореволюционной России в механизме регулирования вероисповедных переходов в 1802–1917 гг. уделил значительное внимание в своей диссертации С. А. Лукья-

нов [2000: 24]. Автор еще одного диссертационного исследования, Л. Е. Горизонтов, отметил, что «специального освещения заслуживает складывание и применение законодательства о «разноверных» браках — использование в качестве инструмента национальной политики вмешательства в дела семьи. Важна реакция на правительственный курс со стороны двух обществ и церковей, его региональное видоизменение» [Горизонтов, 1999: 11]. Последнему из вышеперечисленных аспектов — региональным видоизменениям — мы уделим особенное внимание.

В государстве, где провозглашена государственная религия, быть полноценным гражданином — значит исповедовать эту религию. Кто же входил в категорию православных (что фактически означало «истинных») граждан? «Итак, причисляются к православию все, унаследовавшие эту религию от своих предков, состоявших в православии, и все присоединившиеся к господствующей вере добровольно, а также все воссоединенные с православием в силу особых законодательных актов. Состояние этой принадлежности наследственное и неизменяемое. Отпасть от православия и перейти в другое терпимое вероисповедание по общему правилу юридически нельзя. Только одно исключение общему правилу делает закон, и это — для отпадших от православия в нетерпимые секты, признанные «особо вредными»; эти сектанты ... решительно отчисляются от православной церкви; они, ценою лишения всех прав состояния и ссылки в отдаленные места Сибири и Закавказья, покупают свое право религиозной свободы. После водворения своего в местах ссылки они получают право считаться с тем, чем они есть на самом деле, т. е. лицами, не принадлежащими к господствующей вере,» — писал в 1900 г. профессор М. А. Рейснер [1900: 12–13]. В данном контексте М. А. Рейснер рассуждал о невозможности перейти в иное исповедание «по общему правилу»; однако существовал экстраординарный механизм смены веры с православной на инославную. Для наглядности сравним процедуру «православизации» с обратной ей.

«Что касается «обратившихся к православной вере», то таковыми считаются не только лица в одиночку или семьями, перешедшие в православие по собственной их воле, но и лица, массовое присоединение которых санкционировано верховной властью без какого бы то ни было отдельного личного опроса верующих, или выражения согласия со стороны отдельных лиц. Так произошло например в 1875 году с присоединением тех же холмских греко-униатов к православию» [Рейснер, 1900: 11]. И наоборот, «отпадшие представляют собою ... разряд грешников православной церкви впредь до возвращения их в православие. Над отпадшими продолжает простираться власть того духовного начальства, к вере которого они были первоначально приписаны, и это начальство подвергает их то надзору, то вразумлениям, то увещаниям, то церковным взысканиям» [Рейснер, 1900: 12]. Свод законов Российской империи (изд. 1832 г.) в томе XV «О преступлениях против веры» перечисляет следующие составы преступлений: отвлечение от православия в иную христианскую веру (ст. 186), отвлечение от православия в нехристианскую веру (ст. 189), отвлечение от христианства в нехристианскую веру (ст. 190), отвлечение подданного иноверца в какое-либо христианское исповедание (ст. 188) [СЗРИ, 1832. Т. XV. Ст. 186–190, 278]. Сам факт «отвлечения» квалифицировался как «ересь» (ст. 279 этого же свода законов именовала ересью «случай индивидуального уклонения от догматов православия», массовое же уклонение именовалось рас-

колом) [СЗРИ, 1832. Т. XV. Ст. 279]. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г. выделяет пять типов религиозных преступлений, поименованных «О преступлениях против веры и о нарушениях ограждающих оную постановлений». Страшное клеймо «ереси» изменяет свой смысл: оно закрепляется теперь только за теми составами преступлений, предметом которых является «повреждение веры» (ст. 206), соединенное «с свирепым изуверством и фанатическим посягательством на жизнь свою или других или же с противонаравственными гнусными действиями» (ст. 212). Появляются в Уложении о наказаниях и черты квалификации: «отвлечение» и «отступление» от веры. Под «отвлечением» понимается «совращение одного человека другим или другими людьми в иную веру путем принуждения и насилия, угроз, обольщения, подговоров, вступления в брак, воспитания детей, использования в услужении, проповедей, сочинений или их распространением, воспрепятствования добровольного присоединения к православию, невоспрепятствования отступлению от веры, допущения священнослужителями других вероисповеданий к исповеди, причащению или елеосвящению, а детей к крещению или миропомазанию». «Отступлением от веры» именовался сам факт перехода в другую веру, осуществляемый человеком самостоятельно, «без какого-либо постороннего влияния или под воздействием других людей либо священнослужителей» [Уложение, 1845. Ст. 206–212].

По имеющимся у нас архивным данным, переход из православия в иные исповедания, за редким исключением, совершался всей семьей в полном составе. Объяснение этому обстоятельству минимального количества индивидуальных переходов найдем в ст. 187 «Уложения о наказаниях»: те, кто, зная о намерениях жены, детей или других лиц, за которыми им предоставлено наблюдение и попечение, отступить от православного исповедания в иное христианское, не старались отклонить их от этого и не принимали мер, чтобы этому воспрепятствовать, подвергались административному аресту на срок до трех месяцев. Эта же статья предписывала ещё более сурово наказывать лиц, «виновных в совращении» православного в иное христианское исповедание, подвергая его ссылке в Сибирь или сдаче в арестантское отделение на срок до полутора лет с лишением всех особенных прав и преимуществ [Уложение, 1845. Ст. 187].

Переходы из одного вероисповедания в другое, неправославное, уже на территории Сибири, т. е. непосредственно в месте поселения или ссылки, тоже не приветствовались властью, но имели место. О своем желании перейти в инославное христианское исповедание следовало подать прошение к местным властям, которые посылали православного священника с увещанием не делать такого шага. Обычно православный священник призывал родственников обращающегося оказать на последнего моральное давление. Здесь в специальную категорию выделим наиболее многочисленный массив ходатайств о переходе в католическое исповедание. Связано это было с тем обстоятельством, что сосланные в Сибирь униаты, приписанные в Привисленском крае и Холмской губернии к православной церкви, просили в 1915 г. о возвращении к вере своих предков, т. е. католичеству. Таковы просьбы Юлианы Сергеевны Байгуловой [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 52], Екатерины Григорьевны Беднарчук [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 62], Марфы Георгиевны Дроздовской [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 76], Августы Георгиевны Кушнаревой [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 101], Олимпиа-

ды Константиновны Масловской [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 50] и ряда других. Все они получили положительное разрешение своего дела, так как являлись совершеннолетними и правоспособными.

Иное решение было принято Томским полицмейстером по просьбе братьев Лаврентьевых-Гура, беженцев, уроженцев имения Рушов, гмины Павловской, Холмского уезда и губернии, проживавших в Томске, по ул. Духовской, № 5. «Предлагаю поставить в известность одного из просителей, а именно Лаврентия Гура, достигшего совершеннолетия, т. е. имеющему от роду 22 года, что ему представляется подать заявление о желании его перейти из православия и римско-католическое исповедание... причем заявление это должно быть оплачено двумя гербовыми рублевого достоинства, марками, с засвидетельствованной местными властями подписью его на таковом, а остальным просителям Александру — 19 лет, Яну — 16 лет и Андрею — 15 лет Лаврентьевым Гура объявить, что они как не достигшие совершеннолетия, т. е. 21 года, на основании Высочайшего указа 17 апреля 1905 г., не могут быть исключены из списков православной церкви» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 37].

Обобщая сложившуюся практику, светская губернская власть создала инструкцию для желающих перейти из православия в католицизм. Итак, претенденты: а) пишут прошение на имя «Его Превосходительства Господина Томского Губернатора», сопровождая его необходимым гербовым сбором и удостоверяя свою подпись нотариально; б) прошение передается в Первое отделение Томского губернского управления МВД, затем в) Томскому полицмейстеру, который наводит справки «по документальным данным, сведения о возрасте заявителя, а также сведения о роде занятий его»; г) и только потом «Епископу Томскому и Алтайскому для увещеваний и организации ...» [ГАТО. Ф. 3. Оп. 67. Д. 351. Л. 18–22].

Жесткие санкции действовали относительно перехода в иные исповедания лиц еврейской национальности: в соответствии с пунктом 4 ст. 71 Устава ДДД ИИ издания 1896 г., разрешения о присоединении к католичеству евреев должны были выдаваться исключительно Духовной Коллегией. Полагая, что «Именной Высочайший Указ и Высочайше утвержденные положения Комитета Министров об укреплении начал веротерпимости» 1905 г. отменили все предшествующие им законодательные акты, омский настоятель Сонгайло окрестил в апреле 1912 г. евреев Кучинского и Гузовскую, а новониколаевский священник Юркун в январе того же года совершил обряд крещения над Давидом Немзером, за что оба священнослужителя были привлечены к ответственности «за самовольное крещение евреев» [РГИА. Ф. 821. Оп. 128. Д. 964. Л. 1–2].

Интересно сравнить процесс смены вероисповедания из нехристианского в христианское, а именно православное, представителями народов, традиционно населявших Сибирь. «Для казахов-кочевников принятие крещения ставило бывшего соплеменника в роль человека, порвавшего с родным народом. ... В 1887 г. миссионер священник Филарет Синьковский писал о том, что как только казах принимал крещение, у него появлялось сознание того, что он человек не только крещеный, но и человек уже русский» [Андриенко, 2007: 64]. Данное свидетельство позволяет ещё раз на практике подтвердить постулат о том, что конфессиональность являлась одним из основных признаков этничности. Чтобы закрепить возникшее изменение в сознании человека и продемон-

стрировать преимущества перехода в православие, «до 1861 г. всех крещеных киргиз (казахов) записывали в мещане и казаки, вероятно, для того, чтобы удалить их от прежней среды и тем самым дать им возможность укрепиться в лоне новой веры» [Андриенко, 2007: 64]. Позитивное изменение социального статуса, «повышение по службе» могли выступить как причиной возникновения конфликта с бывшими единоверцами, так и мотивом смирения. Описан случай крещения Акына Джанталасова, молодого казаха из станицы Убинской на Иртыше (1893 г.). Мать отреагировала на поступок сына словами: «Ну, ты теперь стал русским, смотри же соблюдай русскую веру, ходи в церковь, молись Богу» [Записки, 1984: 13].

Другим мотивом перехода в поддерживаемую государством религиозную конфессию мог стать уже имевший место конфликт с единоверцами. Смысл перемены вероисповедания в данном случае — в поисках новой социальной ниши. «В основном крестились те, кто в силу обстоятельств порвал с тувинской общиной и проживал в русской среде» [Дацышен, 2007: 71]. Показателен пример Сумы Бижи-Кожун Калгадчика из племени урянхайцев, оставившего прошение следующего содержания. «С самого малолетства проживая между Российскими подданными... я познал правила истинной Христовой Православной веры и потому в 1888 году просвещен Св. Крещением Священником Усинской миссионерской Церкви о. Платоном Тыжновым. Оставляя обычаи и Ламайскую веру предков своих и вступая в лоно Апостольской Греко-Российской Церкви, я вполне надеялся, что я Законом русского Царя и поставленными от него властями, буду огражден от всяких притеснений со стороны своих единоплеменников за отступление от прежней Ламайской веры. Возвратиться на родину в Урянхайский край я не могу, потому, что меня не только подвергнут разным пыткам, для оставления принятых мною Св. Имени и веры, но могут даже лишить жизни...» [ГААК. Ф. 674. Оп. 1. Д. 3343. Л. 2].

Чтобы защитить новообращенных в православную веру от бывших единоверцев, на местном уровне сибирской администрацией был предпринят ряд специальных мер. «Например, семьи молокан, принявшие православие, получали пособие, жены могли развестись и выйти замуж за православного и уйти с детьми в новую семью» [Асочакова, 2007: 74].

Широкая инициатива местных сибирских властей была обусловлена, во-первых, изменениями в общегосударственном векторе религиозной политики; во-вторых, комплексом «белых пятен», не решенных на уровне главы государства и правительства, а потому переданных на усмотрение местным администрациям.

Первые шаги по пути становления политики веротерпимости и свободы совести были предприняты в царских манифестах. Манифест 26 февраля 1903 г. первым же своим пунктом подтвердил намерение «укрепить неуклонное соблюдение заветов веротерпимости, начертанных в основных законах», согласно которым православная церковь является «первенствующей и господствующей», но подданным инославных и иноверных исповеданий «предоставляется свободное отправление их веры и богослужений по обрядам оной». Об истории авторства данного манифеста известно, что предварительный его вариант был составлен князем Мещерским, дан на просмотр министрам Плеве и Витте. Встретивший, однако, протесты со стороны сановной бюрократии, Николай II предоставил исполнение данного манифеста на усмотрение местным

администрациям [Рожков, 2004: 40]. Примеры «инициативы на местах» были нами уже рассмотрены, однако многочисленные вопросы касательно иноверцев и инославных так и не получили должного разрешения. Нерешенные вопросы не теряли со временем своей актуальности, их разрешению был посвящен второй царский манифест — от 12 декабря 1904 г., опубликованный в Правительственном вестнике [Правительственный вестник, 1904]. «... для закрепления выраженного Нами в Манифесте 26 февраля 1903 г. неуклонного душевного желания сохранять освященную Основными законами Империи терпимость в делах веры, подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устранению в религиозном быте их всякого прямо в законе не установленного стеснения», — гласила ст. 6 «Указа от 12 декабря 1904 г.». Однако и этот манифест, хотя и сделавший указания относительно административного порядка надзора, не предложил конкретного пути решения проблемы, а практика в реализации указа не сложилась. Причина отсутствия реальной силы действия — в следовании «Основным законам», «освятившим» проводимую доселе политику.

Таким образом, несмотря на попытки нормотворчества со стороны высшей законодательной власти, проблема продолжала оставаться неразрешенной. Реализации указа 12 декабря было посвящено заседание Комитета Министров 25 января 1905 г. На заседании были выделены четыре наиболее значительные вероисповедные группы «отпавшие от Православия, в их числе:

А) латыши, преимущественно в Лифляндской губернии, отпавшие в протестантство, числом около 30 000 человек;

Б) бывшие униаты, упорствующие в католицизме, около 100 000 человек;

В) в приволжских губерниях большое количество крещеных татар, отпавших в магометанство;

Г) самая большая группа — раскольники и сектанты, отпавшие от православия, но официально числящиеся православными» (цит. по: [Рожков, 2004: 41]).

Сама формулировка «отпавшие в протестанство», «упорствующие в католицизме», «отпавшие в магометанство» парадоксальным образом свидетельствует о традиционности конфессиональной принадлежности «упорствующих». После продолжительной дискуссии, в которой принимали участие как светские министры, так и духовные лица, в том числе митрополит Санкт-Петербургский и Ладожский Антоний, Комитет Министров вынес следующее решение: «Считая актуальным и необходимым внесения изменений в существующее законодательство, подтвердить установленное основными Законами первенствующее и господствующее положение православной церкви. Надлежит сохранить и на будущее время преимущества, придающие православной церкви статус господствующей, а именно: принадлежность к ней императора, свобода религиозной проповеди, миссионерство, государственное финансирование» [Рожков, 2004: 41–42].

Последующие заседания Комитета Министров от 23 февраля и 1 марта 1905 г. были посвящены более детальному рассмотрению вопросов об иноверии и инославии в Российской империи, в том числе и о применении к ним п. 6 царского манифеста. Результаты этих заседаний стали достоянием общественности после опубликования их в жур-

нале «Русское богатство». Относительно римско-католического духовенства было решено прекратить практику заточения провинившихся в «совращении в католицизм» священнослужителей в монастыри, ссылки в Сибирь, лишения должности, наложения денежных штрафов. Насколько многочисленными были такие случаи, мы можем судить по их следственным делам, отложившимся в Российском государственном историческом архиве [РГИА. Ф. 821. Оп. 3. Д. 821, 822, 839, 846, 857, 870, 883, 884, 896, 920, 928, 929].

Теоретически окончательное разрешение проблемы произошло в 1905 г., когда 17 апреля «Правительственный вестник» опубликовал третий по хронологии царский манифест, содержащий следующие положения:

«1) Признать, что отпадение от православной веры в другое христианской исповедание или вероучение не подлежит преследованию и не должно влечь за собою каких-либо невыгодных в отношении личных или гражданских прав последствий, причем отпавшее по достижении совершеннолетия от Православия лицо признается принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало.

2) Установить в дополнение к сим правилам, что лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту христианскую веру, в которой до присоединения к православию принадлежали сами или их предки, подлежат, по желанию их, исключению из числа православных» [Правительственный вестник, 1915]. Манифест монаршей власти был дополнен и разъяснен указом Правительствующего Сената и циркуляром Министерства внутренних дел губернаторам.

На этом реформаторская деятельность монаршей власти в области вероисповедного законодательства оказалась исчерпанной, законотворческая эстафета перешла к Государственной Думе, составившей многочисленные проекты, как радикального, так и консервативного характера [Недзельюк, 2008: 168–171], предоставив широкое поле деятельности «инициативе на местах». Совсем скоро Россия вступит в революционный период, начнутся антирелигиозные кампании, в которых православная церковь пострадает раньше других. На волне атеистической пропаганды тема перемены вероисповедной принадлежности перестанет быть предметом государственного регулирования и перейдет исключительно в сферу ведения канонического права тех конфессий и деноминаций, чьи последователи изъявляют намерение перейти из одного вероисповедания в другое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Андриенко С. Е. История Преображенского стана Киргизской Духовной миссии // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2007. С. 58–67.

Антокольская М. В. Семейное право. М. : Юрист, 2002. 336 с.

Асочакова В. Н. Особенности религиозно-конфессиональной ситуации в Хакасско-Минусинском крае в XVIII в. — 1861 г. // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2007. С. 72–79.

Горизонтов Л. Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи 1831 — начало XX в.: ключевые проблемы : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 1999. 40 с.

Государственный архив Красноярского края. Ф. 674. Оп. 1.

Государственный архив Томской области. Ф. 3. Оп. 67.

Дацышен В. Г. Проблемы православной миссионерской деятельности в Туве во второй половине XIX в. // Макарьевские чтения. Горно-Алтайск, 2007. С. 67–71.

Записки Шульбинского миссионера иеромонаха Сергия за 1893 г. // Томские епархиальные ведомости. 1984. № 12. С. 12–15.

Лиценбергер О. А. Римско-Католическая и Евангелическо-Лютеранская церкви в России: сравнительный анализ взаимоотношений с государством и обществом (XVIII — начало XX вв.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Саратов, 2005. 36 с.

Лукьянов С. А. Роль и место Министерства внутренних дел дореволюционной России в механизме регулирования религиозных отношений (1802–1917 гг.) : автореф. дис. ... д-ра ист. наук. М., 2000. 30 с.

Недзелюк Т. Г. Дискуссия о направлениях реформирования религиозного законодательства в Государственной Думе начала XX в.: опыт законотворчества // «Числюсь по России...» / под ред. В. А. Зверева. Новосибирск : НГПУ, 2008. С. 168–171.

Правительственный вестник. 1904. 12 дек.

Правительственный вестник. 1915. 17 апр.

Рейснер М. А. Мораль, право и религия по действующему российскому закону. (Юридико-догматические очерки): Религиозная полиция и вероисповедное прикрепление личности // Вестник права: журнал Юридического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете. 1900. № 8. Октябрь. С. 1–34.

Рожков В. С. Церковные вопросы в Государственной думе. М. : Крутицкое подворье, 2004. 560 с.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 3.

Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 821. Оп. 128.

Свод законов Российской империи. СПб., 1832. Т. XV. Ст. 186–190, 278.

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. 1845 г. Ст. 206–212 // Российское законодательство X–XX веков. Т. 6: Законодательство первой половины XIX века. М. : Юрид. лит., 1988.

Терюкова Е. А. Российское законодательство начала XX в. о вероисповедных переходах // Религиоведение. 2013. № 3. С. 163–176.

REFERENCES

Andriyenko S. Y. *Istoriya Preobrazhenskogo stana Kirgizskoy Dukhovnoy missii* [The Story of the Transfiguration of the camp of the Kirghiz Spiritual mission]. *Makar'yevskiy chteniya* [Makaryev's readings]. Gorno-Altaysk, 2007. S. 58–67 (in Russian).

Antokol'skaya M. V. *Semeynoye pravo* [Family Law]. Moscow: Yurist, 2002. 336 s. (in Russian).

Asochakova V. N. *Osobennosti religiozno-konfessional'noi situatsii v Khakassko-Minusinskom krae v XVIII v. — 1861 g.* [Features of the religious and confessional situation in the Khakass-Minusinsk Territory in the 18th century — 1861]. *Makar'evskie chteniia* [Makaryev's readings]. Gorno-Altaysk, 2007. S. 72–79 (in Russian).

Gorizontov L. E. *Poliaki i pol'skii vopros vo vnutrennei politike Rossiiskoi imperii 1831 — nachalo XX v.: kliuchevye problemy: avtoref. dis. ... d. i. n.* [The Poles and the Polish Question

in the Domestic Politics of the Russian Empire in 1831- the Beginning of the 20th Century: Key Problems: Autor. Dis. Doctor of History]. Moskva, 1999. 40 s. (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraia [State Archive of the Krasnoyarsk Territory]. Fund. 674. Inventory 1 (in Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Tomskoi oblasti [State Archive of Tomsk Region]. Fund. 3. Inventory 67 (in Russian).

Datsyshen V. G. *Problemy pravoslavnoi missionerskoi deiatel'nosti v Tuve vo vtoroi polovine XIX v.* [Problems of Orthodox missionary in Tuva in the second half of the XIX century]. *Makar'evskie chteniia* [Makaryev's readings]. Gorno-Altaysk, 2007. S. 67–71 (in Russian).

Zapiski Shul'binskogo missionera ieromonakha Sergiia za 1893 g. [Notes of the Shulba missionary hieromonk Sergius for 1893]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti* [Tomsk diocesan sheets]. 1984 g. № 12. S. 12–15 (in Russian).

Litsenberger O. A. *Rimsko-Katolicheskaia i Evangelicheskoi-Liuteranskaia tserkvi v Rossii: sravnitel'nyi analiz vzaimootnoshenii s gosudarstvom i obshchestvom (XVIII — nachalo XX vv.)*. *Avtoref. dis. ... d. i. n.* [The Roman Catholic and Evangelical Lutheran churches in Russia: a comparative analysis of relations with the state and society (XVIII — early XX centuries). Author. Dis. Doctor of History]. Saratov, 2005. 36 s. (in Russian).

Luk'ianov, S. A. *Roľ i mesto Ministerstva vnutrennikh del dorevoliutsionnoi Rossii v mekhanizme regulirovaniia religioznykh otnoshenii (1802–1917 gg.): Autor. dis ... k. i. u. n.* [The role and place of the Ministry of the interior of pre-revolutionary Russia in the mechanism of regulation of religious relations (1802–1917). Author. Dis. Candidate of Law]. Moskva, 2000. 30 s. (in Russian).

Nedzeliuk T. G. *Diskussii o napravleniakh reformirovaniia religioznogo zakonodatel'stva v Gosudarstvennoi Dume nachala XX v.: opyt zakonotvorchestva* [Discussion on the directions of reforming religious legislation in the State Duma at the beginning of the twentieth century: experience in lawmaking]. "Chislii' po Rossii..." [I am counting in Russia ...]. Novosibirsk: NGPU, 2008. S. 168–171 (in Russian).

Pravitel'stvennyi vestnik. 1904. 12 dekabria [Government Gazette. 1904. December 12] (in Russian).

Pravitel'stvennyi vestnik. 1915. 17 apreliia [Government Gazette. 1915. April 17] (in Russian).

Reisner M. A. *Moral', pravo i religiia po deistvuiushchemu rossiiskomu zakonu. (Iuridiko-dogmaticheskie ocherki): Religioznaia politsiia i veroispovednoe prikreplenie lichnosti* [Morality, law and religion under applicable Russian law (Legal and Dogmatic Essays): Religious Police and Religious Identification]. *Vestnik Prava: Zhurnal Iuridicheskogo Obshchestva pri Imperatorskom Sankt-Peterburgskom Universitete* [Bulletin of Law: Journal of the Law Society at the Imperial University of St. Petersburg]. SPb.: Senatskaia Tipografiia. 1900. № 8. Oktiabr'. S. 1–34 (in Russian).

Rozhkov V. S. *Tserkovnye voprosy v Gosudarstvennoi dume* [Church issues in the State Duma]. M.: Krutitskoe podvor'e, 2004. 560 s. (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 3 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv [Russian State Historical Archive]. Fund 821. Inventory 128 (in Russian).

Svod zakonov Rossiiskoi imperii [Code of laws of the Russian Empire]. SPb, 1832. T. XV. S. 186–278 (in Russian).

Ulozhenie o nakazaniiax ugolovnykh i ispravitel'nykh. 1845 g. St. 206–212 [Criminal and Correccional Code. 1845. Art. 206–212]. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo X–XX vekov. T. 6: Zakonodatel'stvo pervoi poloviny XIX veka* [Russian legislation of the twentieth centuries. T. 6: Legislation of the first half of the XIX century]. M.: Iurid. lit., 1988 (in Russian).

Teriukova, E. A. *Rossiiskoe zakonodatel'stvo nachala XX v. o veroispovednykh perekhodakh* [Russian law in the early twentieth century about religious transitions]. *Religiovedenie* [Religious studies]. 2013. № 3. S. 163–176 (in Russian).

Цитирование статьи:

Недзельюк Т. Г. Смена вероисповедной принадлежности в Российской империи на примере Западной Сибири: потенциальные возможности, нормативное регулирование, практика применения // Народы и религии Евразии. 2019. № 4 (21). С. 128–139.
Citation:

Nedzelyuk T. G. Change of religious affiliation in the Russian Empire on the example of Western Siberia: potential, regulation, practice. *Nations and religions of Eurasia*. 2019. № 4 (21). P. 128–139.
